

Научная статья
УДК 343.7

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЛЕГАЛИЗАЦИЮ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ И ФИНАНСИРОВАНИЕ ТЕРРОРИЗМА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Виталий Федорович Васюков¹, Алла Николаевна Колычева²

¹ Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, г. Москва, Россия, vvf0109@yandex.ru

² Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, г. Орел, Россия, allakolycheva87@gmail.com

Аннотация. Особое внимание в статье уделено проблематике криптовалют, которые, обладая экономическими признаками имущества, до сих пор сохраняют неопределенный правовой статус. Анализ судебной практики свидетельствует о разнородности квалификационных подходов: одни суды рассматривают криптовалюту как предмет преступления, другие отказывают в ее признании таковым. Подобная коллизия снижает эффективность уголовно-правовой охраны и способствует уклонению от ответственности за преступления в цифровой сфере. Признание криптовалюты имуществом для целей уголовного закона представляется необходимым шагом к гармонизации права. В перспективе развитие рассматриваемого института будет определяться степенью цифровизации финансового контроля и уровнем международной координации. Использование технологий искусственного интеллекта, систем анализа блокчейна и инструментов финансовой разведки открывает новые возможности для раннего выявления рисков легализации преступных доходов. Одновременно возрастает значение профессиональной компетенции специалистов и международных оценочных механизмов, что придает институту наказания новое содержание – не только карательное, но и стратегическое, направленное на защиту правопорядка, экономической стабильности и глобальной безопасности.

Ключевые слова: легализация преступных доходов, финансирование терроризма, уголовная ответственность, финансовая безопасность, уголовная политика

Для цитирования

Васюков В. Ф., Колычева А. Н. Ответственность за легализацию преступных доходов и финансирование терроризма в контексте формирования системы финансовой безопасности государства // Человек: преступление и наказание. 2026. Т. 34(1–4), № 1. С. 23–34.

© Васюков В. Ф., Колычева А. Н., 2026

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Original article

RESPONSIBILITY FOR MONEY LAUNDERING AND TERRORIST FINANCING IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF THE FINANCIAL SECURITY SYSTEM OF THE STATE

Vitaly Fedorovich Vasyukov¹, Alla Nikolaevna Kolycheva²

¹ Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, vvf0109@yandex.ru

² Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov, Orel, Russia, allakolycheva87@gmail.com

Abstract. The article pays special attention to the problems of cryptocurrencies, which, having economic characteristics of property, still retain an uncertain legal status. An analysis of judicial practice shows the heterogeneity of qualifying approaches: some courts consider cryptocurrencies as the subject of a crime, while others refuse to recognize them as such. Such a conflict reduces the effectiveness of criminal law protection and contributes to evading responsibility for crimes in the digital sphere. The recognition of cryptocurrencies as property for the purposes of criminal law seems to be a necessary step towards the harmonization of law. In the future, the development of the institution in question will be determined by the degree of digitalization of financial control and the level of international coordination. The use of artificial intelligence technologies, blockchain analysis systems, and financial intelligence tools opens up new opportunities for early detection of money laundering risks. At the same time, the importance of the professional competence of specialists and international assessment mechanisms is increasing, which gives the institution of punishment a new content – not only punitive, but also strategic, aimed at protecting law and order, economic stability and global security.

Keywords: money laundering, terrorist financing, criminal liability, financial security, criminal policy

For citation

Vasyukov, V. F. & Kolycheva, A. N. 2025, 'Responsibility for money laundering and terrorist financing in the context of the formation of the financial security system of the State', *Man: crime and punishment*, vol. 34(1–4), iss. 1, pp. 23–34.

Формирование современного института противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма представляет собой закономерный результат многолетней эволюции представлений о преступности как социально-экономическом явлении, подрывающем устойчивость национальных и глобальных финансовых систем. На рубеже XX–XXI вв. стало очевидно, что преступные капиталы, независимо от сферы их происхождения, представляют собой угрозу для общественной безопасности, поскольку, проникая в легальный оборот, искажают принципы рыночной конкурен-

ции, формируют теневые зоны влияния и создают финансовую основу для коррупции и терроризма.

Если первоначально законодательные и уголовно-правовые меры концентрировались на изъятии непосредственных доходов от преступлений и наказании виновных лиц, то со временем вектор регулирования сместился в сторону системного контроля за движением финансовых потоков и создания международных механизмов их блокирования [1, с. 21]. Первые попытки юридического осмысления феномена «отмывания денег» предпринимались в 1970–1980-е годы в США, где остро стояла проблема легализации доходов от незаконного оборота наркотиков. Был выработан базовый подход, заключавшийся в признании самой операции по приданию преступным доходам видимости законности самостоятельным преступлением. Уголовное преследование лиц, участвовавших в подобных схемах, предполагало не только конфискацию имущества, но и суровые меры наказания – значительные сроки лишения свободы и крупные штрафы, что стало важным сигналом для других государств [2, с. 314]. Этот опыт оказал влияние на формирование Конвенции ООН 1988 г. против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, в которой впервые на универсальном уровне закрепились обязанность государств вводить уголовную ответственность за действия, направленные на сокрытие или маскировку незаконного происхождения активов¹.

В последующие годы международное сообщество пришло к выводу о том, что борьба с легализацией преступных доходов не может ограничиваться узкой сферой наркобизнеса. Постепенно формировалось понимание того, что аналогичные механизмы используются для легализации доходов от коррупции, торговли оружием, мошенничества и иных тяжких преступлений. В связи с этим в 1989 г. была создана Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (англ. Financial Action Task Force, далее – FATF), ставшая основным центром выработки международных стандартов в данной области [3, с. 453]. Разработанные ею рекомендации приобрели характер универсального эталона, к которому государства стремились привести свои внутренние системы финансового контроля. Параллельно начала складываться и общая концепция наказуемости за деяния, направленные на легализацию доходов: государствам рекомендовалось устанавливать не только уголовную, но и административную ответственность, допуская широкий спектр санкций – от штрафов и лишения лицензий до длительного заключения².

Существенное влияние на развитие рассматриваемого института оказала и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г., закрепившая комплексный подход к противодействию преступным сообществам, включая их финансовую инфраструктуру. Важнейшей новацией стало закрепление обязательности конфискации имущества, полученного преступным путем, и расширение механизмов международного сотрудничества в его розыске и аресте³. В уголовно-правовом смысле эта Конвенция стала точкой отсчета для унификации подходов к наказанию за отмывание

¹ United Nations Convention against Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances (Vienna, 20 December 1988) // United Nations Treaty Series. Vol. 1582. P. 95. URL: https://treaties.un.org/doc/Treaties/1988/12/19881220%2000-52%20AM/Ch_VI_19p.pdf (дата обращения: 10.11.2025).

² The FATF Recommendations. Updated March 2023. Paris: Financial Action Task Force (FATF/OECD). URL: https://cbr.ru/content/document/file/156250/st_23.pdf (дата обращения: 10.11.2025).

³ United Nations Convention against Transnational Organized Crime (Palermo, 15 November 2000) // United Nations Treaty Series. Vol. 2225. URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/organized-crime/intro/UNTOC.html> (дата обращения: 10.11.2025).

доходов: в ряде стран были введены минимальные санкции, например, не менее трех лет лишения свободы, а в некоторых правовых системах – пожизненное заключение при отягчающих обстоятельствах, связанных с участием в организованной группе [4, с. 59].

Отдельного внимания заслуживает формирование норм, касающихся финансирования терроризма. Международная конвенция 1999 г. о борьбе с финансированием терроризма впервые прямо установила уголовную ответственность за сбор или передачу средств в целях совершения террористических актов, независимо от факта их реализации. Данная конструкция носила превентивный характер и исходила из признания опасности самого факта финансирования, что стало важнейшим шагом в развитии международного права [5, с. 138].

После терактов 11 сентября 2001 г. вопрос о наказуемости финансирования терроризма приобрел особую актуальность: государствам было предложено не только усиливать санкции, но и внедрять механизмы немедленного замораживания подозрительных активов. В ряде юрисдикций, включая США и Великобританию, были введены нормы, предусматривающие длительные сроки лишения свободы – до 20 лет и более, а также возможность конфискации всех активов, прямо или косвенно связанных с преступлением [6, с. 115].

Таким образом, историческое становление института противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма демонстрирует поступательный переход от реактивной модели наказания к превентивно-комплексной системе, где уголовно-правовые санкции сочетаются с административными и финансовыми ограничениями. Этот процесс сопровождался постепенным осознанием того, что эффективность борьбы с преступными капиталами определяется не столько строгостью наказаний, сколько их неотвратимостью, прозрачностью финансового сектора и возможностью оперативного международного взаимодействия. В совокупности эти факторы заложили основу для формирования современного содержания рассматриваемого института, в котором наказание выступает не изолированной мерой, а элементом комплексного механизма защиты экономической безопасности.

Развитие международных стандартов противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма стало ключевым фактором, определившим последующую трансформацию национальных правовых систем. При этом важнейшей задачей международных актов было не только унифицировать понятие отмывания доходов, но и сформировать согласованные подходы к мерам наказания, обеспечивающим превентивный и репрессивный баланс. Уже в начале 1990-х годов государства – члены FATF признали, что без введения универсальных критериев ответственности невозможно достичь единых стандартов финансовой безопасности. Вслед за этим началась гармонизация национальных уголовных кодексов, сопровождавшаяся внедрением институтов конфискации, уголовной и административной ответственности юридических лиц, а также формированием специализированных органов финансовой разведки [7, с. 9].

Наиболее последовательно международные стандарты воплотились в европейском правовом пространстве. Совет Европы в 1990 г. принял Конвенцию о легализации, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности, а позднее – Варшавскую конвенцию 2005 г., где был закреплен принцип пропорциональности наказания тяжести преступления и размеру извлеченной выгоды. Эти акты задали вектор на установление строгих санкций: лишение свободы до 12 лет, штрафы в размере многократной суммы незаконного дохода и обязательная конфискации имущества, включая

активы, переданные третьим лицам¹. Таким образом, наказание стало рассматриваться не только как реакция на преступление, но и как инструмент экономического восстановления социальной справедливости.

В Соединенных Штатах развитие института сопровождалось усилением уголовных санкций и расширением возможностей государства по преследованию преступных активов. Закон Patriot Act 2001 г., принятый после террористических актов 11 сентября, придал особое значение превентивной функции наказания: лица, признанные виновными в финансировании терроризма, подвергались не только лишению свободы на срок до 20 лет, но и пожизненной дисквалификации от ведения финансовой деятельности. Американская модель демонстрирует тенденцию к интеграции уголовного преследования и гражданских взысканий, когда наказание охватывает не только виновное лицо, но и его корпоративное окружение, что делает механизм воздействия комплексным и социально ориентированным [8, с. 29].

Российская Федерация восприняла международные обязательства в рамках участия в ООН, Совете Европы и Евразийской группе по противодействию легализации преступных доходов (ЕАГ). В 1997 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) была введена ст. 174, предусматривающая ответственность за легализацию денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем. Законодатель установил широкий диапазон наказаний – от штрафов до лишения свободы сроком до 7 лет, а при квалифицирующих признаках (совершение группой лиц, использование служебного положения, крупный размер) – до 10 лет. Впоследствии ст. 174.1 конкретизировала ответственность за легализацию имущества, приобретенного самим виновным, что устранило пробел, связанный с самоотмыванием. Этот шаг продемонстрировал тенденцию к ужесточению ответственности, отражающую общемировой тренд на снижение толерантности к экономическим преступлениям [9, с. 552].

В сфере противодействия финансированию терроризма российский законодатель опирался на международные стандарты FATF и положения Международной конвенции 1999 г. Так, ст. 205.1 УК РФ закрепила ответственность за содействие террористической деятельности, включая финансирование, обучение, вооружение и обеспечение транспорта, а ст. 205.4 установила наказание за создание террористического сообщества. В отличие от норм о легализации преступных доходов, эти составы носят ярко выраженный превентивный характер: наказуемым признается не только сам факт финансирования, но и действия, направленные на его подготовку. В санкциях отражается повышенная общественная опасность деяний – лишение свободы до 15 лет, а в особо тяжких случаях – до пожизненного заключения.

Примечательно, что в российской правоприменительной практике усиливается значение конфискации имущества как меры уголовно-правового характера. Постепенно она становится не только способом возмещения ущерба, но и самостоятельной формой наказания, направленной на подрыв экономических основ преступной деятельности. Это сближает отечественный подход с международной тенденцией, где экономические

¹ Council of Europe Convention on Laundering, Search, Seizure and Confiscation of the Proceeds from Crime and on the Financing of Terrorism (Warsaw, 16 May 2005) // Council of Europe Treaty Series. No. 198. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/-/council-of-europe-council-of-europe-convention-on-laundering-search-seizure-and-confiscation-of-the-proceeds-from-crime-and-on-the-financing-of-terror> (дата обращения: 10.11.2025).

санкции рассматриваются в единстве с лишением свободы, обеспечивая комплексное воздействие на преступников.

В государствах – членах Европейского союза прослеживается аналогичная логика. Так, Директива ЕС 2018/1673 предусматривает минимальный срок лишения свободы за отмывание доходов в размере четырех лет и вводит обязательные санкции для юридических лиц: крупные штрафы, запрет на осуществление деятельности, роспуск организации и исключение из государственных реестров¹. Эти меры направлены на недопущение повторных нарушений и служат профилактической основой для всей системы финансового контроля.

В странах Глобального Юга, включенных в сеть региональных антиотмывочных групп, подход к наказанию формируется с учетом национальных особенностей. Например, в странах Юго-Восточной Азии уголовные санкции часто сопровождаются административными запретами на ведение бизнеса, а в некоторых странах Латинской Америки – пожизненной конфискацией имущества, даже в случае освобождения лица от наказания по иным основаниям. Такая гибридность свидетельствует о стремлении адаптировать международные стандарты к местным реалиям и сохранить баланс между наказанием и возможностью реабилитации [10, с. 60].

Таким образом, развитие международных и национальных стандартов ответственности за легализацию преступных доходов и финансирование терроризма демонстрирует переход от фрагментарного подхода к системной модели, где наказание выступает элементом более широкой правовой стратегии. Современные тенденции указывают на необходимость сочетания строгих санкций с эффективными механизмами финансового контроля и международного сотрудничества, что обеспечивает реальное достижение цели рассматриваемого института – защита правопорядка, экономической стабильности и международной безопасности.

Нельзя оставить без внимания тот факт, что современные угрозы финансовой безопасности государства во многом связаны с быстрым развитием криптовалютных технологий, обеспечивающих анонимность операций и отсутствие централизованного контроля. Криптовалюта стала одним из ключевых инструментов, используемых для легализации преступных доходов и финансирования терроризма, поскольку ее правовой статус остается неопределенным, а трансграничный характер обращения затрудняет контроль со стороны национальных регуляторов. В этих условиях уголовная ответственность за операции с криптовалютой приобретает особое значение. Она выступает не только средством реагирования на уже совершенные преступления, но и элементом защиты финансовой системы от подрыва доверия к государственным институтам и подмены законного денежного оборота теневыми схемами [11, с. 47].

Сложности правоприменения усугубляются отсутствием единообразной судебной практики. Одни суды квалифицируют сам факт конвертации криптовалюты в рубли как отмывание, другие придерживаются позиции, что подобные действия лишь завершают предикатное преступление. Такая неоднородность решений порождает риск объективного вменения, при котором технические особенности криптоопераций подменяют доказанность субъективной стороны деяния. Учитывая высокую степень автоматизации

¹ Directive (EU) 2018/1673 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2018 on combating money laundering by criminal law // Official Journal of the European Union. L 284.12.11.2018. P. 22–30. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32018L1673> (дата обращения: 10.11.2025).

обменных процессов и анонимность блокчейн-транзакций, правоприменитель должен отличать действия, на самом деле направленные на легализацию от обычного использования цифровой валюты. Для этого требуется внедрение специальных методик криминалистического анализа криптокошельков, блокчейн-трассировки и экспертной оценки операций с цифровыми активами [12, с. 238].

В своем исследовании К. В. Ображиев справедливо отмечает, что «практика квалификации посягательств на цифровую валюту находится в стадии формирования, причем формируется она путем проб и ошибок, что вполне закономерно с учетом неопределенности правового статуса криптоактивов и отсутствия непротиворечивых доктринальных рекомендаций». Автор также указывает на то, что в судебной практике имели место случаи отказа в признании криптовалюты предметом преступлений против собственности на том основании, что она не относится к объектам гражданских прав. Подобная позиция фактически приводила к отсутствию надлежащего уголовно-правового реагирования на общественно опасные посягательства, совершаемые в отношении цифровых активов [13, с. 77].

Показателен в данном контексте пример из практики Петроградского районного суда г. Санкт-Петербурга, который, рассматривая дело о вымогательстве, исключил из общего объема требуемого под угрозой имущества криптовалюту стоимостью свыше 55 млн рублей. В приговоре суд указал, что, исходя из положений ст. 128, 209 ГК РФ, а также ст. 158 УК РФ криптовалюта не может рассматриваться как предмет преступления против собственности. По мнению суда, в связи с отсутствием правового статуса криптовалюты признание ее объектом гражданских прав не представляется возможным: данный вид виртуальных денежных средств не подпадает ни под одну из предусмотренных законом категорий, не является законным средством платежа на территории Российской Федерации, а самим законодателем отнесен к суррогатам денежных средств. На этом основании суд исключил из объема обвинения эпизод, связанный с завладением криптовалютой¹.

Таким образом, можно заключить, что в рамках формирования системы финансовой безопасности государства особое значение приобретает баланс между эффективным контролем за оборотом цифровых активов и соблюдением принципа законности при привлечении к ответственности. Чрезмерное расширительное толкование понятий «финансовая операция» и «иное имущество» способно привести к криминализации законных действий участников цифрового рынка. В силу этого развитие уголовно-правового регулирования в отношении криптовалюты должно основываться на четком разграничении между преступной легализацией и добросовестным использованием цифровых активов. Только при таком подходе институт ответственности сможет выполнять свою подлинную функцию – обеспечивать устойчивость финансовой системы, противодействуя отмыванию преступных доходов и предотвращая использование цифровых валют в целях финансирования терроризма.

В совокупности отмеченные положения позволяют говорить о том, что подобное разграничение невозможно без концептуального переосмысления самого правового статуса криптовалюты. Современная правоприменительная практика наглядно демонстрирует, что неопределенность в квалификации цифровых активов как объекта уголовно-правовой охраны порождает противоречивость судебных решений и снижает эффективность

¹ См.: Приговор Петроградского районного суда г. Санкт-Петербурга от 30 июня 2020 г. по делу № 1-95/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

финансового контроля. Отсутствие единой нормативной позиции затрудняет установление предмета преступления, препятствует применению мер конфискации и создает условия для ухода преступных доходов в цифровое пространство. Именно поэтому дальнейшее развитие уголовного законодательства в рассматриваемой сфере должно исходить из признания криптовалюты самостоятельным объектом уголовно-правовой защиты, обладающим всеми признаками имущества, участвующего в экономическом обороте [14, с. 45]. Искусственное сохранение правовой неопределенности вокруг ее статуса приводит к дестабилизации всей системы противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма. В действующем законодательстве криптовалюта формально отнесена к «иному имуществу» лишь для целей публично-правового регулирования, что создает коллизию между нормами финансового и уголовного права [15, с. 64].

Между тем по своей экономической природе цифровая валюта обладает всеми признаками имущества: она имеет стоимостную оценку, способна участвовать в гражданском обороте, быть объектом владения, распоряжения и отчуждения, а также служит средством накопления. Отрицание ее имущественного характера вступает в противоречие не только с экономической реальностью, но и с принципами уголовного права, которые требуют охраны любых общественно значимых благ, имеющих экономическую ценность.

Признание криптовалюты имуществом отвечает логике международных обязательств Российской Федерации в рамках системы ФАТФ. Эти документы ориентируют государства-участники на охват всех форм экономической выгоды, включая цифровые, независимо от их материального носителя. Отказ от подобного подхода ставит национальную юрисдикцию в заведомо уязвимое положение: преступные доходы, аккумулируемые в криптовалюте, фактически выпадают из сферы уголовно-правового воздействия, а институт ответственности теряет часть своей эффективности. Кроме того, игнорирование цифровых активов как имущества создает почву для правовой лазейки, позволяющей переводить преступные средства в криптовалюту и тем самым выводить их из-под режима контроля.

Вместе с тем подобная мера не означает механического перенесения традиционных понятий в новую среду. Такое решение требует уточнения признаков владения и распоряжения цифровыми активами, а также закрепления процессуальных способов их фиксации, ареста и конфискации. Отраженные в блокчейне права и транзакции нуждаются в адаптированных инструментах доказывания. Именно эти механизмы придают реальное содержание институту ответственности, позволяя доказать не только факт совершения финансовых операций, но и умысел на легализацию преступных доходов в цифровом формате.

Следовательно, включение криптовалюты в категорию «иного имущества» для целей уголовного закона представляет собой не столько расширение репрессивных полномочий, сколько шаг к гармонизации уголовного и финансового права. Такая мера создаст нормативную основу для пресечения легализации преступных доходов, полученных в виде цифровых активов, укрепит доказательственную базу при расследовании экономических преступлений и устранил пробел между российским правом и международными стандартами ПОД/ФТ. Представляется, что признание криптовалюты имуществом позволит обеспечить реальное применение принципа неотвратимости ответственности, предотвратить утечку преступных капиталов в цифровые юрисдикции и сделать систему финансовой безопасности государства адекватной вызовам цифровой эпохи.

Приведенные данные подтверждают, что современная уголовно-правовая политика в отношении преступлений рассматриваемой категории ориентируется не на формальное увеличение сроков лишения свободы, а на комплексное воздействие. Ключевое внимание уделяется возмещению ущерба, ликвидации преступных схем и восстановлению финансовой прозрачности. Все чаще применяются комбинированные санкции: лишение свободы в сочетании с крупным штрафом, конфискацией, запретом на занятие определенных должностей или ведение бизнеса. В международной практике также закрепляется тенденция к общественно полезным формам ответственности, включая передачу конфискованных активов в специальные фонды для поддержки жертв преступлений и финансирования профилактических программ.

Таким образом, современная система наказаний за легализацию преступных доходов и финансирование терроризма представляет собой многокомпонентный механизм, в котором уголовно-правовые меры взаимодействуют с экономическими и организационно-правовыми инструментами. В этом проявляется ее комплексная природа: наказание становится не только средством карательного воздействия, но и элементом стратегической защиты финансового суверенитета и национальной безопасности.

Указанные обстоятельства объективно показывают, что одним из приоритетных направлений развития рассматриваемого института становится цифровизация финансового контроля. Современные системы мониторинга на основе искусственного интеллекта и машинного обучения позволяют не только выявлять нетипичные операции в режиме реального времени, но и прогнозировать риски их криминального происхождения. В связи с этим роль финансовой разведки возрастает, она превращается в аналитический центр, интегрирующий данные банков, правоохранительных органов и международных партнеров.

Особое значение приобретает международная взаимная оценка эффективности национальных систем противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма, проводимая ФАТФ и региональными структурами. Результаты таких оценок напрямую отражаются на политике наказания: государства, демонстрирующие мягкость в правоприменении или недостаточную конфискационную активность, подвергаются риску попадания в так называемые серые списки. Это стимулирует пересмотр уголовно-правовых подходов и ужесточение санкций, но одновременно требует выстраивания механизмов правовой защиты и процессуальной справедливости. Таким образом, институт наказания оказывается встроен в глобальную систему финансовой ответственности, где международные оценки становятся катализатором внутренних реформ.

Перспективным направлением развития является также укрепление связи между уголовно-правовой и криминалистической составляющими института. Наказание должно опираться на достоверно установленную доказательственную базу, сформированную с применением современных методов анализа цифровой информации, криптовалютных транзакций, цифровых следов и «облачных» данных.

В свою очередь, постоянное совершенствование профессиональной компетенции следователей, экспертов и аналитиков финансовой разведки становится ключевым условием эффективности уголовного правосудия. От уровня их подготовки зависит не только качество расследования, но и способность правоприменителя обеспечить справедливость судебного решения и реализацию наказания как инструмента защиты общественных интересов.

В долгосрочной перспективе развитие института противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма будет определяться степенью интеграции национальных правовых систем в глобальную финансовую инфраструктуру. Государства, все активнее включающиеся в международные механизмы ПОД/ФТ, сталкиваются с необходимостью адаптации универсальных стандартов к национальным условиям. Это требует технического укрепления финансового контроля, а также концептуального переосмысления наказания как инструмента правовой политики. На первый план выходит идея справедливого и соразмерного наказания, обеспечивающего баланс между интересами общества и правами личности.

В конечном счете современный институт противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма предстает как сложная правовая система, в которой наказание не только выполняет функцию возмездия, но и задает направление правового развития. Его сущность заключается в обеспечении устойчивости финансового пространства, предотвращении криминализации экономики и защите глобальной безопасности.

Список источников

1. Волеводз А. Г., Цыплакова А. Д. Цифровые доказательства в уголовном процессе государств – членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива: правовой статус и процедуры признания // Вестник экономической безопасности. 2024. № 2. С. 21–29.
2. Levi, M. & Reuter, P. 2006, 'Money laundering', *Crime and justice*, vol. 34, iss. 1, pp. 289–375.
3. Damais, A. 2007, 'The financial action task force', *Anti-Money Laundering: International Law and Practice*, iss. 69, pp. 441–462.
4. Волеводз А. Г., Цыплакова А. Д. Уголовная ответственность юридических лиц в Королевстве Саудовская Аравия // Российский следователь. 2023. № 11. С. 57–61.
5. Жильцова Ю. В. Влияние отмыкания преступных доходов и финансирования терроризма на национальную экономическую систему России // Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы : сб. докл. Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Н. Новгород, 2021. С. 137–142.
6. Вольдимарова Н. Г., Юрков Я. С. О проблемах в сфере противодействия финансированию терроризма в Российской Федерации // Цифровизация рыночных отношений: вопросы экономики и права : сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. М., 2022. С. 107–112.
7. Постоева Е. А. Понятие и система противодействия финансированию терроризма // Мировой судья. 2025. № 2. С. 7–11.
8. Цыплакова А. Д., Шестак В. А. Участие местных органов публичной власти в совершенствовании мер профилактики кибератак в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 2. С. 28–31.
9. Аубакирова А. Т. Развитие финансового мониторинга и защита ФАТФ от глобальных угроз // Проблемы устойчивости развития социально-экономических систем : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Тамбов, 2023. С. 551–561.
10. Волеводз А. Г., Цыплакова А. Д. Уголовная ответственность юридических лиц в Объединенных Арабских Эмиратах // Российский следователь. 2023. № 12. С. 58–62.
11. Васюков В. Ф., Титов А. А. Понятие и виды криптовалют // Противодействие криптовалютным преступлениям в зарубежных странах. М. : Юрлитинформ, 2025. С. 43–65.

12. Васюков В. Ф. Противодействие преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий : учеб. пособие / под науч. ред. А. Г. Волеводза. М. : Прометей, 2023. 468 с.

13. Ображиев К. В. Преступные посягательства на цифровые финансовые активы и цифровую валюту: проблемы квалификации и законодательной регламентации // Журнал российского права. 2022. № 2. С. 71–87.

14. Филатова М. А. Проблемы квалификации легализации (отмывания) цифровой валюты // Уголовное право. 2024. № 5. С. 40–51.

15. Немова М. И. Использование криптовалюты при легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: анализ судебной практики // Уголовное право. 2019. № 4. С. 63–68.

References

1. Volevodz, A. G. & Tsyplakova, A. D. 2024, 'Digital evidence in the criminal proceedings of the member States of the Cooperation Council for the Arab States of the Persian Gulf: legal status and recognition procedures', *Bulletin of Economic Security*, iss. 2, pp. 21–29.

2. Levi, M. & Reuter, P. 2006, 'Money laundering', *Crime and justice*, vol. 34, iss. 1, pp. 289–375.

3. Damais, A. 2007, 'The financial action task force', *Anti-Money Laundering: International Law and Practice*, iss. 69, pp. 441–462.

4. Volevodz, A. G. & Tsyplakova, A. D. 2023, 'Criminal liability of legal entities in the Kingdom of Saudi Arabia', *Russian investigator*, iss. 11, pp. 57–61.

5. Zhiltsova, Yu. V. 2021, 'The impact of money laundering and terrorist financing on the national economic system of Russia', in *National and international trends and prospects for the development of forensic expertise: collection of reports of the All-Russian Scientific Conference with international participation*, pp. 137–142, Nizhny Novgorod.

6. Voldimarova, N. G. & Yurkov, Ya. S. 2022, 'On the problems in countering the financing of terrorism in the Russian Federation', in *Digitalization of market relations: issues of economics and law: collection of scientific papers of the All-Russian Scientific and Practical Conference*, pp. 107–112, Moscow.

7. Postoeva, E. A. 2025, 'The concept and system of countering the financing of terrorism', *Justice of the Peace*, iss. 2, pp. 7–11.

8. Tsyplakova, A. D. & Shestak, V. A. 2023, 'Participation of local public authorities in improving measures to prevent cyber attacks in Russia', *State power and local self-government*, iss. 2, pp. 28–31.

9. Aubakirova, A. T. 2023, 'Development of financial monitoring and protection of the FATF from global threats', in *Problems of sustainable development of socio-economic systems: proceedings of the International Scientific and Practical Conference*, pp. 551–561, Tambov.

10. Volevodz, A. G. & Tsyplakova, A. D. 2023, 'Criminal liability of legal entities in the United Arab Emirates', *Russian Investigator*, iss. 12, pp. 58–62.

11. Vasyukov, V. F. & Titov, A. A. 2025, 'The concept and types of cryptocurrencies', in *Countering cryptocurrency crimes in foreign countries*, pp. 43–65, Yurlitinform, Moscow.

12. Vasyukov, V. F. 2023, *Countering crimes in the field of drug trafficking committed using information and telecommunication technologies: textbook*, A. G. Volevodza (ed.), Prometheus, Moscow.

13. Obrazhiev, K. V. 2022, 'Criminal encroachments on digital financial assets and digital currency: problems of qualification and legislative regulation', *Journal of Russian Law*, iss. 2, pp. 71–87.

14. Filatova, M. A. 2024, 'Problems of qualification of legalization (laundering) of digital currency', *Criminal law*, iss. 5, pp. 40–51.

15. Nemova, M. I. 2019, 'The use of cryptocurrencies in the legalization (laundering) of funds or other property acquired by criminal means: an analysis of judicial practice', *Criminal law*, iss. 4, pp. 63–68.

Информация об авторах

В. Ф. Васюков – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики;

А. Н. Кольчева – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики и предварительного расследования в органах внутренних дел.

Information about the authors

V. F. Vasyukov – Sc.D (Law), Professor, professor of the criminal law, criminal procedure and criminalistics department;

A. N. Kolycheva – PhD (Law), associate professor of the criminalistics and preliminary investigation in law enforcement agencies department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 13.11.2025; одобрена после рецензирования 13.01.2026; принята к публикации 14.01.2026.

The article was submitted 13.11.2025; approved after reviewing 13.01.2026; accepted for publication 14.01.2026.